

16+

Юлия Голубчикова

Легион

Юлия Голубчикова

Легион

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51238424

SelfPub; 2020

Аннотация

Если ты родился в очень бедной семье, то впереди тебя ждет только голод и много тяжелой работы. Но можно ведь попытаться что-то изменить, правда? Что ж, добро пожаловать в Легион. Здесь всегда нужны новички, которые еще не знают, что такое Мясорубка.

Из записок «Исторического общества»

«После Великой Экономической Депрессии связи между отдельными регионами Империи значительно ослабли. Из-за невероятно высокой инфляции практически все расчеты велись не в национальной валюте, а в золоте, оно стало наиболее надежным платежным средством. Многие сельскохозяйственные области почти полностью перешли на натуральное хозяйство. Из-за низкого спроса торговля поддерживалась только в крупных городах, где работали зарубежные предприятия, а также в золотодобывающих областях страны. Централизованное управление фактически перестало работать, налоги собирались на местном уровне, но их не хватало на социальные нужды.

Полиция превратилась в отделы безопасности, которые могли себе позволить только самые состоятельные граждане и крупные предприятия. Остальные сами объединялись в группы для охраны общественного порядка. Самосуд стал нормой. Поскольку расследованиями никто не занимался, было немало случаев, когда наказывали невиновных. Вся медицинская помощь и образование, в том числе начальное, стали платными, пособия и другие социальные выплаты на государственном уровне были отменены. Из-за этого в обществе наблюдалось колоссальное имущественное расслоение.

Состоятельные граждане – работающие в крупных частных компаниях или на госслужбе – могли оплатить своим детям образование. Также многие из них передавали свои

должности сыновьям и дочерям. Причем в их отношении действовали социальные гарантии – оплата больничного, отпуска, выплата пенсии от предприятия. На долю тех, кто не мог оплатить образование, оставался неквалифицированный труд в тех компаниях, где не хотели вкладывать средства в автоматизацию. Социальных гарантий у них не было, а зарплаты оставались крайне низкими, что не позволяло делать накопления.

В городах рождаемость падала, так как содержать детей было непросто. В деревнях, напротив, росла, так как дети очень быстро становились помощниками. При этом общая численность населения сокращалась из-за снижения продолжительности жизни. Также на убыль населения влияли многочисленные локальные конфликты между отдельными регионами.

Постепенно армия стала тем, что потом было известно как Легион. Его отряды нанимали, чтобы отвоевать современные технологии, базы данных, а также золото. И чтобы защититься от такого нападения. Особенно ожесточенные бои бывали в золотодобывающих регионах. После них наблюдались и нападения в самих отрядах Легиона, в результате чего выживали немногие. Однако недостатка в новобранцах у военных не было. Фактически Легион стал единственным социальным лифтом для необеспеченных слоев населения».

Правила выживания в Легионе

Никогда не записывайся в добровольцы.

Твоя аптечка – твоя забота. Хочешь получить лекарство в походе – положи его в свою аптечку.

Твое снаряжение – твоя забота. Угроишь его раньше срока – окажешься в походе с голыми руками.

Легионер, потерявший в походе свое оружие, по возвращении возмещает его стоимость. Думай, что необходимо сохранить.

Легионер, потерявший свое золото, достоин презрения. Не бери больше, чем сможешь унести.

Если тебе предлагают мешок золота, даже с доставкой, за то, что ты запишешься в добровольцы, смотри пункт 1.

Из дневника рядового Рольфа

«Привет, я Рольф. Родом с фермы в деревне Аруна. Самое яркое воспоминание из детства – мне года четыре, в деревню приходит мужчина, которого я раньше никогда не видел. Седой совсем, но еще крепкий, в добротной одежде и ботинках. Как только его увидели взрослые, женщины закричали, и несколько человек принялись избивать чужака. К ним присоединились другие. Кажется, мужчина даже не пытался защищаться. Его забили до смерти. Потом растерзанное тело закопали за деревней, на кладбище, но чуть в стороне от других могил.

Мне в детстве постоянно хотелось есть. Или нас было слишком много, или еды слишком мало. У меня было пять

братьев и три сестры, еще две сестры умерли, когда были совсем маленькими. Никаких особых чувств к ним я не испытывал. Разве что иногда, в особенно голодные дни, думал, что если б кого-то из них не было, еды было бы больше. А если бы не было меня, то еще не нужно было бы корчиться в поле, когда живот подвело от голода и в голове шумит.

В тех семьях, где детей было меньше, люди казались более сытыми, более упитанными. Хотя, может, мне это только казалось. От голода еще не то покажется. Однако некоторые отправляли детей учиться в город. Это было очень дорого, такое могли себе позволить только самые богатые. Их дети потом работали в местном магистрате. Или вообще оставались в городе и присылали деревенским родственникам ценные вещи. Например, разную технику, и им не приходилось обрабатывать землю вручную, с одной лопатой.

Не получится вырасти сильным и здоровым, если ни разу не ел досыта. Но можно стать хитрым и изворотливым. Постепенно я узнал, что убитый мужчина был родом из нашей деревни, но надолго уходил из нее. С собой у него был мешочек золота – огромное богатство по деревенским меркам. И еще железный крест, большой, примерно в половину ладони взрослого человека. Его звали Матилус. У мужчины были родственники, но ни один из них не заступился за него, когда на него накинудись местные жители. И они никогда не убирали мусор на его могиле. Наоборот, у деревенских считалось правильным бросить что-нибудь на тот клочок зем-

ли, под которым похоронили Матилуса. Его имущество растащили те, кто его убил. Золото, понятное дело, потратили, а крест я потом видел у одного мужчины. Открыто он его не носил, но иногда, захмелев, доставал из тайника и показывал своим приятелям.

Меня они не стеснялись, считая, что я все равно ничего не понимаю – мол, слабоумный малец. Я не пытался их разубедить, наоборот, со временем стал стараться вести себя и выглядеть именно как слабоумный. Так мне и удалось узнать историю убитого мужчины. Матилус уходил в легионеры, а потом вернулся с наградой и золотом. Но деревенские жители не простили ему этого – или ухода, или золота, вот что я так и не понял. Но понял, что, если не хочу всю жизнь голодать, то тоже должен стать легионером. Только после этого не нужно возвращаться. Никогда».

Мечта

Рольф ждал побега несколько лет – он знал, что подростка в легионеры не возьмут. Им нужно было подписать контракт, а такое право было только у совершеннолетних, когда они получали удостоверение личности. Все эти годы он готовился, то есть выяснял, где бывают вербовщики и что нужно, чтобы стать легионером. За это время из деревни ушли два-три парня. Кажется, один или даже двое ушли именно в Легион. Возможно, из деревни убежали и девушки, но они легионерами стать не могли, поэтому Рольф не обращал на это

внимания. Каких-то других мыслей, связанных с девушками, у него не было. Тяжелая работа и голод не способствовали романтическому настроению. К тому же, в иерархии деревни семья Рольфа занимала совсем не завидное положение, у него практически не было шансов на то, что девушка согласится на какие-то отношения. Иногда, когда были силы и никто не видел, Рольф убирал мусор на могиле Матилуса. Вечером накануне побега он тоже пришел на кладбище. Сначала парень хотел что-нибудь сказать убитому, но так ничего и не придумал. Он не знал этого человека, не знал, что ему было бы приятно, не знал даже, зачем тот вернулся в деревню. Поэтому он просто убрал мусор, немного постоял в молчании, а потом ушел.

Рольф знал, что вербовщика проще найти в большом городе, там располагался пункт вербовки, но до него было 70 километров. Пройти столько, не имея еды и воды, он не рассчитывал. Отложить хоть кусок хлеба – тоже, не говоря уже о бутылке с водой. Поэтому он отправился в городок в 20 километрах. Если сильно повезет, там тоже можно было встретить вербовщика. Обычно везение на Рольфа не распространялось, зато он рассчитывал пройти 20 километров за ночь.

К утру деревенский парень был в городке. Практически сразу он нашел таверну – почти такую же, как в деревне, только больше и богаче. Рядом с ней приседал нестарый еще мужчина в неприметных штанах и рубахе.

– Ты что здесь делаешь? – спросил он Рольфа, закончив

приседания.

– Хочу записаться в Легион, – ответил тот. Вряд ли этот мужчина рассказал бы о нем в деревне, потому Рольф и не стал скрывать свои намерения.

– А не рановато тебе?

– Нет, я уже взрослый. Я могу расписаться, где нужно, могу подписать договор.

– Откуда ты?

– Из деревни Аруна.

– Аруна? Да тут совсем рядом. И много вас там таких?

– Каких – таких? – не понял Рольф.

Во время этого разговора собеседник цепким взглядом окинул тощую фигуру деревенского парня, как будто снял с него мерку и даже взвесил. Тут из таверны вышел еще один мужчина. У него был протез вместо левой руки, поверх одежды перекрещивались ремни, а к ним крепились оружие и другое снаряжение.

– Что, явилось свежее мясо для Мясорубки? – спросил он приседавшего.

– Вряд ли. В Мясорубку рвутся восторженные юнцы, а этот умный, писать умеет, – ответил тот.

– Да? – удивился мужчина с оружием. – А по виду – так даже не знает, что такое «Азбука».

Рольф ничего не понял из их разговора, но остался на месте и переводил взгляд с одного на другого.

– Так что? – уточнил тот, который упомянул «Азбуку».

– Пойдет. Не всех же для Мясорубки брать. А план выполнять надо, – ответил первый мужчина. А потом сказал Рольфу:

– Считай, что тебе повезло. Ты принят в Легион.

До конца дня парень и двое легионеров оставались в таверне. Тогда Рольф впервые поел досыта. К вечеру набралось примерно 40 ребят. Их всех разместили на открытой платформе и повезли в большой город. Там собралось еще несколько групп вербовщиков. У каждой них было от 20 до 40 новобранцев. Все они на военных транспортниках отправились в лагерь. В дороге провели всю ночь, а утром были на месте. После завтрака новичков разбили на отряды, выдали обмундирование и отправили на учебу. Так Рольф стал легионером.

О пользе чтения

Деревенский парень действительно не знал, что такое «Азбука». И действительно умел читать, писать и считать. На минимальном уровне этими навыками владели многие жители Аруны. Детей после уборки урожая учила древняя старуха по не менее древним книгам. Одной из них была «Азбука», но обложка от нее давно оторвалась, так что Рольфу неоткуда было узнать название. Понятно, что большинство семей и не помышляло о настоящем образовании, это было слишком дорого, но были и те, кто мог себе это позволить. А в городские школы не брали детей, которые не уме-

ли читать, писать и считать. Поэтому состоятельные деревенские жители платили за уроки старухе, а та заявила, что учиться должны все дети, или она не будет заниматься ни с кем. Из-за этих слов ее считали выжившей из ума, однако за занятия платили – больше-то учить было некому. У других взрослых хватало работы, и времени на занятия со своими детьми не было. Даже у состоятельных, которые работали в магистрате. Благодаря этому Рольф и научился читать, писать и считать.

В деревне читать было почти нечего, да и некогда, то же касалось и письма. Однако полученных в детстве знаний Рольфу хватило, чтобы заполнить форму контракта легионера, а перед тем прочитать его. Те, кто смог сделать это самостоятельно, попали в один отряд. В Легионе поначалу тоже было не до чтения – после учебы и тренировок Рольфу едва хватало сил, чтобы добраться до своей койки в казарме. Однако жизнь его определенно стала лучше. Во-первых, он теперь ел досыта три раза в день. Во-вторых, у него появилась своя койка с настоящим матрасом, а не охапка соломы на полу, и еще свой шкафчик, где можно было хранить личные вещи. В-третьих, ему платили жалованье – минимальное, пока он не побывал ни в одном боевом походе, но это были его собственные деньги. А в-четвертых, никто его не бил, чтобы отобрать еду или потому что он медленно работает. Драк в отряде не было вообще. Несколько ребят как-то попытались забрать узелок с вещами у парня из какой-то

дальней деревни – как они говорили, просто хотели посмотреть. Но из затеи ничего не вышло. Сержант появился еще до того, как парни добрались до узелка, и всем сразу расхотелось драться. А потом их перевели в другой отряд. После этого никто не пытался задирать друг друга или брать чужие вещи без разрешения.

Постепенно Рольф стал крепче, и тренировки уже не были для него такими изнуряющими. У него появилось время на чтение, и первым делом он прочитал устав Легиона. Нельзя сказать, что служба шла совсем уж гладко, два-три раза Рольфа штрафовали. После этого он еще раз перечитал устав, больше штрафов не было. Зато из-за знания устава он получил серьезное взыскание. Дело в том, что часть своего жалованья он решил потратить на кое-какие лекарства. Официально некоторые из них предназначались для животных, но жители Аруны привыкли не привередничать в этом вопросе.

Лекарства для людей были дороже, а животные – ценней. Поэтому практически в каждой семье были средства для борьбы с коровьей лихорадкой. Заразившиеся телята два-три дня не могли встать на ноги и отказывались от корма и воды. Потом эти симптомы проходили, но если им не давали лекарство, они на пятый день умирали. А с лекарством мучились еще пару дней, зато потом были здоровы, хоть и ослаблены, но их можно было выходить. Люди тоже заражались коровьей лихорадкой. У них поднималась температура,

начиналась рвота и понос, а потом они умирали. Однако коровье лекарство справлялось с болезнью, главное было принять его в первый же день, тогда как у животных можно было ждать и три дня. Обычно его принимали, не дожидаясь заражения. После микстуры два-три дня были все симптомы коровьей лихорадки, правда, немного слабее, а потом у человека вырабатывался иммунитет. Действовал он около трех лет. Вот эту-то микстуру в числе прочих препаратов Рольф и положил в аптечку. Лекарство для людей побочных эффектов не давало, но для легионера на минимальном жалованье оно было не по карману. А коровья лихорадка – штука опасная. Иммунитет у парня еще должен был действовать, но он решил подстраховаться. Капрал, проверяя необходимый минимум лекарств, заявил, что звериных препаратов быть не должно. Рольф возразил, что устав этого не запрещает. В итоге парень выиграл: лекарство осталось в его аптечке, а сам он получил три штрафных месяца дежурства в госпитале с уполовиненным жалованьем. Ему нужно было помогать ухаживать за ранеными и больными, причем на долю штрафников выпадала самая грязная работа.

Как раз в это время набирали добровольцев для одного похода с весьма хорошими премиальными. В обычные походы рядовые просто получали назначение, но этот был особенным. Рольф узнал, что несколько ребят из его отряда записались в добровольцы. Из других отрядов тоже были желающие, в основном, молодежь, недавно появившаяся в Ле-

гионе, но было и несколько «старичков». В итоге получился сборный отряд на 200 человек, не считая офицеров.

Рольф все еще отбывал наказание в госпитале, когда они вернулись. Точнее, то, что от них осталось – всего 27 человек из уходивших 200, причем все – с повреждениями различной степени тяжести. 8 из них не выжили, остальные потом вернулись в свои отряды. Так Рольф узнал о Мясорубке.

Размышления о пенсии

Вскоре после окончания наказания Рольф попал в первый поход. Его отряду нужно было захватить укрепленную башню. Он и его товарищи стреляли из лазерных винтовок в защитников строения, те в ответ стреляли из таких же винтовок в них. Время от времени наступало затишье, потом стрельба возобновлялась. Так продолжалось четыре дня. В итоге башня осталась за легионерами. Офицеры вынесли из нее какие-то артефакты. Убитых похоронили, раненых срочно отправили в госпиталь. Следом вернулись остальные. Все они получили небольшие премиальные, а еще смогли взять из башни по паре грамм золота – кому сколько досталось. Такие трофеи помещались потом в личный сейф легионера и выдавались после окончания службы. Премиальные тоже выплачивались в золоте – это было самое надежное платежное средство, по крайней мере, для легионера.

Это все, что запомнил Рольф о своем первом сражении. Сожалений об убитых им людях он не испытывал. Не было

у него к ним и ненависти. Пожалуй, что-то похожее ощущалось на прополке кукурузы. Тогда у Рольфа была только одна мысль – пройти четыре бесконечно длинных ряда, чтобы получить свою долю еды и воды. И он старательно дергал сорняки, не повреждая кукурузные стебли. А в легионе просто старался максимально аккуратно ликвидировать противника. И отдавал себе отчет, что точно так же его могут убить или, что еще хуже, ранить. Лазерная винтовка – штука коварная, бронекombineзон далеко не всегда гарантировал безопасность. Смерть наступала мгновенно, если сделать все правильно. Если же чуть сбить настройки, человек получал тяжелые ожоги. А дальше – кому как повезет. Если первую помощь оказали сразу, был шанс выжить и вернуться в строй. Если нет – человек мог умирать несколько дней. Рольф старался сделать так, чтоб противник не мучился.

Так же делали почти все в отряде. Встречались, конечно, и те, кто ненавидел людей с другой стороны, но таких было немного. Они стреляли с таким расчетом, чтобы противник мучался как можно дольше. И бурно радовались едва ли не каждому раненому. Такое поведение считалось предосудительным. Если разговора с сержантом было недостаточно, чтобы повлиять на них, их переводили из отряда. Были и те, для кого чужая смерть оказалась шоком. Одно дело – стрельба на полигоне по андроидам, и совсем другое – в походе по живому противнику. Кое-кто пытался обсудить свои переживания с другими legionерами. Такие разгово-

ры не поощрялись, но и не осуждались. Сержанты каким-то немислимым образом оказывались рядом и просто переводили разговор на другую тему. Если парни не привыкали к чужой смерти, их также переводили из отряда.

После первого похода были и другие, одни более удачные, другие – менее. О них Рольф тоже помнил не много. Может быть, потому, что и не старался что-то запоминать. Так продолжалось около двух лет его службы в Легионе. Походы сменялись спокойными неделями, а то и месяцами в казарме, когда нужно было только ходить на учебу да на тренировки. Свободное время, а также жалование можно было тратить на развлечения в ближайшем городке или на какие-то покупки. Кто-то тратил почти все деньги на рыбы состязания. Хоть и считалось, что на ставках на бойцовых рыбок можно сделать состояние, Рольф не знал никого, кто бы выиграл сколько-нибудь значительную сумму. В лучших случаях оставались при своих. Кто-то покупал себе более современное обмундирование. Оружие менять не разрешалось, только если легионер потерял его или оно вышло из строя до окончания срока службы, приходилось возмещать его стоимость. Рольф довольствовался стандартным обмундированием – после жизни в деревне для него обычная форма и ботинки были едва ли не роскошью. Многие считали его нелюдимым – он действительно не отличался разговорчивостью и открытым нравом, так что друзей у него не было. И развлечения отпадали – отправляться в город в одиночку

Рольфу не хотелось. Так что свое свободное время он тратил на книги. В Легионе была библиотека, и он отдыхал за чтением. Тратить жалование ему было почти не на что, разве что пополнить запас индивидуальных лекарств, чтоб не зависеть от удачи в походе. Ведь количество медикаментов у врача в отряде не бесконечно, а пострадавших может быть много.

Во время отдыха Рольф и стал задумываться, как быть дальше. Если рядовой получал травму, несовместимую с дальнейшей службой в Легионе, его увольняли. Выплачивали все его накопления, выдавали небольшое выходное пособие и отправляли на все четыре стороны. То же самое происходило, когда человек не мог участвовать в походах по возрасту. Легионеры в звании сержанта и выше могли вести занятия у новобранцев. Конечно, премиальных в этом случае не полагалось, но стабильное жалование было – до пенсии. Конечно, этот срок был позже, чем у рядовых, но рано или поздно он все равно наступал. А что мог делать уволенный из Легиона человек, которого учили только убивать?

Про себя Рольф мог сказать точно – он мог работать на ферме или воевать, ничем другим он никогда не занимался. Но дорога на ферму была заказана, он не хотел повторить судьбу Матилуса. А от травм в походе не застрахован никто. А чтобы получить повышение, надо было закончить специальную Школу сержантов – для получения сержантского звания, в Легионе оно считалось офицерским. Обучение в ней было платное, стоило оно прилично. Денег у Рольфа хвати-

ло бы, он ведь почти не тратил свое жалование. Но стремления становиться сержантом почему-то не возникало. Можно было попробовать накопить денег на обучение гражданской специальности, правда, это было дороже Школы сержантов. Да и выбрать себе какое-то занятие Рольф никак не мог.

Однажды в библиотеке он случайно услышал разговор двух сержантов. Один из них уходил на пенсию в следующем месяце, он скопил денег на покупку дома с участком, где собирался выращивать виноград. Выручка от его продажи вместе с небольшой пенсией (а большие пенсии в Легионе были только у больших чинов, у рядовых ее не было вовсе) позволила бы безбедно жить. Второй уходил через полгода, он тоже скопил денег на небольшой дом, но собирался писать мемуары. С удивлением Рольф узнал, что большое число людей, никогда не державших в руках лазерной винтовки, с удовольствием читает о боевых походах и даже о госпитале. Главное – уметь рассказать обо всем этом. Издатели публикуют такие книги и неплохо платят за них, на это тоже можно безбедно жить. И внезапно Рольф понял, чем бы хотел заниматься потом, после службы, какой бы долгой она ни была. Он тоже решил писать мемуары. Специально для этого он купил карманный блок памяти с мыслепередачей. Стоило это устройство прилично, зато отличалось действительно компактными размерами, было очень легким и безотказно работало десятилетиями. Его можно было без проблем брать с собой в поход. Сначала Рольф учился пользоваться блоком

памяти, а когда освоился, стал вести дневник.

Друг

Следующие десять лет не внесли почти ничего нового в жизнь Рольфа. Он все так же держался особняком от других легионеров в отряде, хотя ни с кем не конфликтовал. Не лез в добровольцы, обязательно пополнял запас лекарств в индивидуальной аптечке и старательно вел дневник. Первое время он заносил на блок памяти только что-то необычное, так как опасался, что место быстро закончится. А потом понял, что произойдет это очень и очень не скоро. Тогда он стал записывать куда больше. Так в дневнике появились записи с тренировок, записи из столовой, когда у них появился новый повар (он не умел или не хотел готовить, в итоге после первого обеда легионеры неделю питались сухим пайком), и запись, когда его отстранили и взяли нового человека на эту должность. Регулярно появлялись записи из походов – как обычных, так и не очень.

Вот обычная стрельба, после которой офицеры уносят артефакты, а рядовым выплачивают премиальные и перепадает немного золота. Вот – такая же стрельба, но отряд отступает, едва успев похоронить убитых и захватить раненых. Премиальные тогда оказались примерно с пятую часть обычных. Потом Рольф узнал, что к месту сражения вот-вот должны были подойти два крупных отряда в помощь защитникам. Офицеры решили не рисковать и увели людей. Вот его от-

ряд охраняет артефакты. Тогда Рольф узнал, что защищать башню так же опасно, как и отвоевывать. Ведь он находится не за толстыми стенами, а за временными сооружениями. И надеяться стоит лишь на прочность бронекombineзона, щит-отражатель, да на мастерство противников – уж лучше умереть сразу, чем несколько дней мучиться, а потом все равно умереть. Или остаться инвалидом и лишиться средств к существованию.

А вот – башня, примерно такая же, как в первом бою, только защищают ее вяло. В отряде всего семеро раненых, почти у всех – приподнятое настроение. Оптимисты уже подсчитывают размер премиальных. Однако офицеры командуют отступление, не взяв никаких артефактов. Раненые тогда так и не доехали до госпиталя. Иногда такое случалось – или авария, или нападение мстителей. Но почему-то Рольфу казалось, что в этот раз было что-то другое. Что именно – он так никогда и не узнал. А премиальные тогда выплатили, как за обычную операцию. От этого подозрений было еще больше.

И было в дневнике описание небывалого случая. Один из легионеров в походе заметил змею. Другой заявил, что она не ядовита, убил ее и предложил съесть. Человека три-четыре согласились с ним. Они сварили змею в походном котелке. Кое-кто едва пригубил похлебку, а двое съели все остальное. Те, кто съел совсем чуть-чуть, не получили серьезной дозы яда и отделались расстройством желудка. С тем, кто предло-

жил попробовать необычное блюдо, все было в порядке. А второму легионеру, который доедал похлебку, стало плохо. Сначала потемнело в глазах, потом начали неметь руки и ноги. Он пролежал в госпитале две недели, и врач говорил, что тому еще повезло, мог остаться инвалидом. Оказалось, змея все-таки была ядовитой. Но не для всех. Легионер, предложивший ее съесть, был родом из той местности, где все с раннего детства ели листья какого-то растения. В результате у них вырабатывался иммунитет, и змей и другую местную живность можно было спокойно употреблять в пищу. А тем, у кого иммунитета не было, так поступать не стоило. Легионера за вред здоровью товарища, хоть и не умышленный, оштрафовали на половину всех его накоплений золота.

В общем, жизнь Рольфа была относительно комфортной рутинной. Его устраивало жалование и довольствие, его не пугали походы и не тревожила стрельба – ни в него, ни его собственная. Время от времени объявляли набор добровольцев – сам Рольф никогда не записывался, только считал, сколько людей из отряда ушло и вернулось. После этого приходили новобранцы – он едва замечал, что в отряде появились новые лица. А потом все изменилось.

Отряд отправился в очередной поход – очередная стрельба за очередную башню. Правда, стрельбы не получилось – артефакты никто не охранял. Наблюдатели не заметили никакого движения, в подошедший отряд никто не стрелял. Башня казалась заброшенной. С более близкого расстояния

стало ясно, что охранять ее уже некому. За временными сооружениями было несколько тел, а неподалеку – десятки могил. Рольф подумал, что похожая картина бывает после коровьей лихорадки, когда нет лекарства. Те, кто заразился позже, хоронят тех, кто заболел раньше. А их самих хоронить уже некому.

Некоторые legionеры тоже заговорили о лихорадке. Но прежде чем слухи успели распространиться по отряду, сержанты устроили совещание с врачом. Случайно Рольф оказался неподалеку и понял, в чем дело. Врач считал, что в башне заразились коровьей лихорадкой, а у него было всего две дозы необходимого лекарства. Идти вдвоем нельзя, опасно, да и по уставу полагалось, чтоб шли минимум трое – двое несут артефакты, третий охраняет. А артефакты в башне, скорее всего, были. Даже если офицеры успели уйти, вряд ли они стали задерживаться, чтобы забрать все ценное. Двое сержантов приняли лекарство – за артефактами рядовых не отправляли. Для третьего члена отряда препарата не было.

Один из сержантов стал искать жертву. Его выбор пал на парня-новобранца, для которого это был первый поход.

– Пойдешь с нами в башню, – объявил он legionеру. Строго говоря, так делать было нельзя – рядовой мог отказаться идти за артефактами, в уставе Legionа это было предусмотрено. Не потому, что для него не было лекарства, а потому что он рядовой. Ему за походы за артефактами не платили. А сержант при необходимости должен был искать доброволь-

цев, а не назначать первого попавшегося новичка. Только новобранец, похоже, ничего этого не знал. И было сомнительно, что у него есть иммунитет. На человеческое лекарство он не мог еще заработать, а препарат для телят применяли не везде. В некоторых регионах, Рольф уже знал об этом, коровьей лихорадки не было.

– Я пойду, – сказал он оттесняя плечом новичка. – А он не пойдет.

Сержант только глянул на него и кивнул. Спорить не имело смысла, да еще и могло обернуться серьезным штрафом. За нарушение устава наказывали всех.

До башни они добрались спокойно. На входе была ловушка, сержанты быстро с ней справились. Рольф не понял, что именно они делали, только смотрел, чтоб никто не подкрался, хоть и знал, что подкрадываться некому. Вторая ловушка была перед спуском в бункер, с ней пришлось повозиться, но и тут они прошли без потерь. Больше никаких неприятностей в башне не было. Они вынесли оттуда хранилища каких-то данных – к этому времени Рольф знал, как они выглядят – и несколько закрытых ящиков. Что было в них, он не понял, да и не хотел узнать.

Ни артефакты, ни те, кто за ними ходили, не отправились сразу к отряду. Офицеры сообщили, что добыча есть, а потом пришлось два дня ждать, когда доставят оборудование для дезинфекции. Отряд в это время размещался недалеко от башни, на безопасном расстоянии. Сержанты глаз не спус-

кали с артефактов, а Рольф сказал, что хочет похоронить умерших. Никто не возражал. Он вырыл шесть могил, в каждую опустил по одному телу, а на небольших холмиках положил по камню в изголовье похороненных. Камни принес один из сержантов. Потом была дезинфекция, а после нее – возвращение в лагерь, сначала офицеры и артефакты, следом рядовые.

– Почему ты так поступил? – спросил Рольфа тот самый новичок.

– Кто-то же должен был это сделать, – ответил он, думая об умерших, которых похоронил.

– И что теперь будет? – не унимался новобранец.

– Ты будешь читать устав.

– Зачем? – не понял его собеседник.

– Знания лишними не бывают, малыш, – ответил Рольф.

– Да кому они нужны? Вот мышцы – это да, а образование – штука бесполезная.

– У тебя есть образование? – удивился Рольф. Как правило, у рядовых легионеров его не было, оно было слишком дорого. А дети обеспеченных родителей рядовыми не записывались. Разве что кого-то разжаловали за серьезное нарушение устава.

– Да, я в школу ходил три года, – ответил новичок. – Ну как ходил... Читать, писать научился – и хватит, больше там делать нечего.

Сам Рольф научился читать, писать и считать за два года.

Точнее, за две зимы, когда не надо было работать в поле.

– Если бы ты не умел читать и писать, ты бы попал в другой отряд. И твоя жизнь сложилась бы по-другому, – ответил он новобранцу. – Ты вообще откуда?

– Из Глестена, это город такой западнее нашего лагеря. А ты?

– Из Аруны, это деревня южнее лагеря.

– А правда, что в деревне еда растет прямо на кустах и деревьях и кто угодно может ее есть?

– Растет, правда. Еще и в земле растет. А есть ее без разрешения нельзя. В деревне все поделено, а брать чужое нельзя, иначе очень плохо будет. А правда, что в городе работающим дают по два выходных в неделю? – Рольф не раз слышал об этом, но никак не мог поверить. В деревне выходных не было вовсе.

– Правда, но не всем, а только тем, у кого есть гражданская специальность. Им даже спецодежду дают, представляешь? А обычным работягам полагается всего один выходной.

– Как тебя зовут?

– Адам.

– А меня – Рольф. Вот что, Адам, когда вернемся в лагерь, ты будешь читать устав. И не спорь.

Так у Рольфа появился друг.

Мария

По возвращении новичок действительно прочитал устав.

А дальше была обычная служба – походы сменялись отдыхом, а недели в лагере – неделями боев. Адам и Рольф по-прежнему держались вместе. Деревенский парень рассказывал городскому об особенностях службы и маленьких хитростях, позволяющих выжить, а городской – о жизни в городе и гражданских специальностях – то, что сам знал о них. И оба они практически не тратили жалованье. Только Рольф почти ничего не покупал, потому что привык обходиться минимумом, а вот Адам явно принимал решение на основании цены. Правда, считал он не очень хорошо, и часто отказывался от каких-то вещей просто на всякий случай. Если же Рольф говорил, что цена хорошая, то и Адам мог решиться на покупку.

– Почему ты почти ничего не покупаешь? – Спросил как-то деревенский парень своего друга, стараясь говорить как можно мягче. – Ты на что-то копишь?

– Да, коплю. И что? – почти огрызнулся тот.

– Это твое дело, – пожал плечами Рольф. – Просто, если это не секрет, расскажи, на что именно?

– На мечту, – еле слышно выдохнул Адам.

Ее звали Мария, и она, безусловно, была самой красивой девушкой их микрорайона. Адам познакомился с ней, когда она возвращалась из школы. Книжек было много, и ее сумка разорвалась. Пока она думала, как их поудобнее сложить, он думал, что никогда не видел никого красивее ее. Он тогда снял свою куртку и предложил сложить книги в нее, как в

мешок. Она только смотрела на него и улыбалась, и это был лучший момент в его жизни. Адам тогда проводил Марию до дома, оказалось, что она живет всего через две улицы от него. У ее родителей были гражданские специальности. Сама девушка училась в школе и думала, какую специальность получать. Она могла стать, наверное, кем угодно – родители могли оплатить ее обучение.

Самому Адаму не повезло. У его родителей не было специальностей, они были разнорабочими. А это значит, один выходной в неделю, зарплата, с которой никак не удавалось хоть что-то отложить, и совсем нельзя болеть. А еще у него был младший брат. Адаму приходилось поддерживать порядок в их квартире, готовить еду и смотреть за братом. Обычно тот вел себя спокойно, но порой делался агрессивным и плаксивым. Лучшее, что в такие моменты можно было сделать – отвести его к зданию начальной школы. Дети занимались в полуподвальном помещении, в окно было видно, что они делают, а в большинстве случаев – еще и слышно. Брат сразу успокаивался, замирал у окна и смотрел в класс, не отрываясь. Вот так Адам и научился читать и писать. У его родителей не было денег на школу, но начальные знания он смог усвоить через окно.

Когда брат вырос, его можно стало оставлять одного дома. Адам в это время подрабатывал. Иногда компании нанимали на временную работу подростков, потому что им можно было платить гораздо меньше, чем взрослым. Он таскал

мешки с мукой и сахаром, ящики с фруктами, возил тележки с молоком. Часть заработанного он отдавал родителям, а часть складывал в копилку. Он мечтал, что сможет накопить денег и тоже получит гражданскую специальность. А когда познакомился с Марией, больше ни о чем другом думать не мог.

На некоторые гражданские специальности брали тех, кто мог оплатить хотя бы один семестр, и Адам надеялся, что у него будет достаточно средств, чтобы начать обучение, и что он сможет подрабатывать, чтобы оплатить остальное. Тогда у него был бы шанс жениться на любимой – за бедняка родители ее бы никогда не отдали. Иногда он виделся с девушкой, спрашивал, как продвигается ее учеба, а она спрашивала, как дела у него дома. Такие встречи были редкими, но Адам всякий раз радовался, что Мария охотно разговаривает с ним.

Но все усилия накопить денег оказались тщетными. Первый раз ему пришлось выпотрошить копилку, когда заболела мать. Отцовской зарплаты не могло хватить на четверых. А тут еще нужно было заплатить врачу и купить лекарства. Пока мать болела, ее уволили с работы, прошло три месяца после выздоровления, прежде чем она нашла новое место. В общем, благодаря накоплениям Адама, которые он откладывал два года, семья пережила этот период. А второй раз он лишился накоплений по вине брата. Придя с очередным заработком домой, Адам достал копилку и удивился, что она

такая легкая. Он спросил отца, что случилось. А от отвел глаза и стал объяснять, что младший брат получился не таким умным, как Адам, и тут уж ничего не изменишь.

– Отец тогда сказал мне, что сожалеет, что так получилось. Он понимает, что я пытался вырваться из бедности, но бедным такое не удастся. У них нет денег, чтобы хоть что-то изменить в своей жизни, – говорил Адам. – И тогда я понял, что мне остается только одна дорога – в Легион. Я не рассматривал этот путь раньше, потому что никогда не был сильным. А после этого решил рискнуть.

Адам так и не узнал, на что младший брат потратил его деньги – просто не стал спрашивать, потому что это точно ничего не изменило бы. Три месяца он ждал, когда станет совершеннолетним, и все это время просто слонялся по улицам. А потом пожелал Марии успешной учебы и сказал ей, что уходит в Легион. Она поблагодарила его и в свою очередь пожелала успехов. После этого он на тот самый последний заработок купил билет до ближайшего крупного города. А когда приехал на место, пошел искать вербовщика, надеясь, что тот не обратит внимания на отсутствие мускул. Вербовщик задал несколько вопросов, какое-то время сверлил взглядом, а потом сказал, что Адам подходит. Так он стал легионером – в очередной попытке заработать денег, чтобы быть рядом с любимой.

У Рольфа никогда не было любимой девушки, но тоска Адама была ему понятна. Он ведь и сам записался в легио-

неры, чтобы хоть что-то изменить в своей жизни к лучшему.

– Легион – не самое плохое место, малыш, – сказал Рольф Адаму, положив ему руку на плечо. – Главное – не наделать глупостей.

Доброволец

Рольф знал, что при экономном расходовании жалованья и некотором везении в Легионе можно скопить на гражданскую специальность за три-четыре года. Причем не на один семестр, а на все обучение. А глупостями он считал поведение, ведущее к штрафам, и запись в добровольцы. Да, те, кто возвращался, получали весьма приличные премиальные. Одного такого похода могло хватить на гражданскую специальность. А могло еще и остаться. Только в лагерь, как правило, возвращался лишь один из десяти записавшихся, не считая офицеров. Или еще меньше. По мнению Рольфа, так рисковать не стоило. По мнению Адама, за то время, пока он будет копить на учебу и получать специальность, Мария успеет выйти замуж. И он собирался рискнуть при первой же возможности, а там как получится. Или он вернется с золотом, или просто не вернется. В итоге, когда объявили очередной набор, Адам записался в добровольцы.

– Да, я знаю, ты считаешь, что так делать не следует, – добавил он, сообщив Рольфу о своем решении. – Но у меня нет времени, чтобы копить годами. Я ведь потом всю жизнь буду мучиться, что не рискнул, понимаешь?

Рольф только положил другу руку на плечо и промолчал. Он мог бы сказать, что из-за этого риска жизнь Адама может оказаться очень короткой. И очень мучительной – никто не рассказывал в отряде, что такое Мясорубка, но судя по травмам, которые были у вернувшихся, доставалось то золото очень дорогой ценой. Но делать этого он не стал – когда контракт добровольца подписан, уже ничего не изменишь. Только в одном случае legionера могли не взять в поход – если он заболел. Так что один шанс кое-что изменить все же был.

За день до отправления отряда Рольф вызвался в столовой принести им обоим по кружке какао, которое не входило в обычный рацион. Адам сначала отказывался, а потом согласился – при условии, что, когда он вернется, какао будут пить за его счет. Рольф быстро вернулся за стол, они с удовольствием выпили какао, а потом еще посидели в общей комнате. Адам нервничал, а Рольф пытался отвлечь его от мыслей о походе, расспрашивая в который раз о гражданских специальностях. Долгих разговоров не получилось – в ту ночь Рольфу предстояло дежурить. Когда он отправился на пост, его встретил старый сержант.

– Зря ты это сделал, – без предисловий начал он. – Теперь тебе выпишут штраф.

– Что такое золото? Без половины накоплений я как-нибудь проживу, – примирительно ответил Рольф. Он не стал спрашивать, о чем идет речь, и не пытался оправдаться – для

себя он и так не был виноват.

– Легион воюет за золото, – ответил сержант, глядя ему прямо в глаза. – И ты потеряешь все.

– За вред товарищу штрафуют только на половину, – возразил Рольф. Вредом считалось в Легионе и опасное лечение, если легионера об этом не просили и он не был врачом. Препарат для телят как раз попадал под категорию вреда.

– Да, а ты потеряешь все. Понимаешь, почему?

И Рольф вспомнил. Таких случаев в отряде не было, но в уставе была мелкая сноска – за вред Легиону полагается штраф в половину накоплений легионера. Невыход добровольца вполне мог быть вредом. А штрафы в Легионе суммировались.

– Да, я знаю, почему ты так поступил, – продолжил сержант. – Но у меня приказ – у всех нас приказ. Запрещено отправлять отряд, если в нем меньше двухсот добровольцев. А не вышедший отряд – это штраф. Можешь считать меня законченной сволочью, но одного человека в отряде не хватает. А искать новых – нет времени. Или пострадает один – или все.

– Он все равно не сможет выйти в поход. Ближайшие три дня он вообще ничего не сможет, – ответил Рольф.

– Я знаю, – кивнул сержант. – А еще я знаю, что твой штраф его не спасет, только удержит до следующего раза. А в следующий раз удерживать будет нечем.

– Все уже сделано, и уже ничего не изменишь, – сказал

Рольф.

– Не все, – возразил сержант. – Ты можешь занять его место, а я за ним присмотрю.

– Мне полагается право на личное сообщение. И на заведание. Чтоб все было по-честному, – поставил условие Рольф после недолгого молчания.

– Да, все будет по-честному, уж я за этим прослежу, – подтвердил сержант. – Из тебя получится хороший сержант. Когда вернешься, отправляйся на учебу. У тебя есть шансы вернуться.

Так Рольф стал добровольцем.

Из личного сообщения рядового Рольфа рядовому Адаму «Привет, малыш. Ты, наверное, гадаешь, почему я не пришел тебя навестить. А может, и нет. Может, сил хватает, только чтоб сожалеть, что не умер вчера. Я проходил через это, я знаю. Поверь, это пройдет, потом будет легче. И поверь, будь я в лагере – обязательно бы пришел, проведал тебя. Но я не мог. Когда тебе стало плохо, я уже был на сборном пункте. А золото... Ну что такое золото? Если вернусь, премиальные поделим пополам. Надеюсь, когда-нибудь ты поймешь, я всегда желал тебе только добра».

Прииск

Тот поход вначале практически не отличался от обычного. Разве что часть легионеров из старослужащих временно

получили должность сержанта – пока не закончится поход. А еще Рольф постоянно ощущал пустоту рядом, где раньше шел Адам. На этот поход на его месте был незнакомый легионер, а Рольф все порывался оглянуться и посмотреть, не отстал ли его друг, и с трудом подавлял это желание. Адам остался в лазарете, искать его было бесполезно, да и опасно. Отвлечешься на секунду – и обратно можешь не вернуться.

Неожиданности начались через два дня пути. Всем легионерам выдали вместо двухдневного пайка двухнедельный запас пищевых концентратов и воды. Затем вперед выдвинулись сержанты с детекторами ловушек. Они и в обычных походах обследовали местность, но сейчас этим занимались все до единого, а не несколько человек, как прежде. И они действительно нашли опасные места, хотя ничего похожего на башню пока не было даже на горизонте. Обезвреживать ловушки пришлось как постоянным сержантам, так и временным, а рядовые в это время стояли на страже. Когда удалось очистить достаточно пространства, чтобы отряд мог пройти небольшими группами, безопасные места отметили маркерами, и легионеры двинулись дальше. Рольф обратил внимание, что маркеры отличались от обычных 15-минутных, знакомых ему по прежним походам. Через некоторое время обнаружили новые ловушки, и все повторилось. Всего пришлось обезвредить четыре таких участка. А потом Рольф увидел поселок.

Обычные люди занимались обычными, повседневными

делами. Впервые легионер вспомнил оставленную много лет назад родную деревню. Поселение было очень похоже на обычную деревню, только полей было гораздо меньше, а все постройки окружены стеной. Вокруг Аруны ничего подобного не было. Но вот поступил приказ, отряд разделили на несколько частей, сержанты – временные и постоянные – развели вверенных им людей по отведенным участкам. Сработали детонаторы, стена была взорвана в нескольких местах, началась стрельба. А Рольф все никак не мог сообразить, за что именно он воюет в этом походе. Впервые в жизни ему сложно было стрелять в человека. Однако жители поселка были вооружены – еще одно отличие от Аруны, в деревне Рольфа ни у кого не было оружия. Они стали стрелять в легионеров, и Рольф тоже выстрелил. Сработала многолетняя выучка – сначала безопасность, потом удивление. Или удивляться будет уже некому.

У жителей поселка были только лазерные пистолеты и никакой защитной одежды. С экипировкой легионеров это даже сравнивать не стоило. Сопротивление быстро подавили, просто перебив защитников поселка. Но на земле осталось и несколько нападавших. Когда стрельба закончилась, сержанты направились к большой постройке на окраине поселка. Подходы к ней оказались перекрыты несколькими ловушками, но с ними быстро разобрались. А потом началась погрузка золота – постройка была заполнена им под самую крышу. Рольф никогда раньше столько не видел. Сначала нагру-

зили транспортник, а потом сержанты разрешили рядовым взять себе награду в дополнение к премиальным. Причем брать можно было сколько угодно, без ограничений. Почти все легионеры принялись старательно набивать золотом свои вещмешки и даже карманы. С такой добычей можно было до конца жизни больше не работать. Старослужащие к золоту отнеслись гораздо спокойнее, чем новички. Они взяли немного больше, чем удавалось получить в стандартном походе. А Рольф все никак не мог осознать, что произошло. Он слышал отдельные возгласы защитников поселка – они говорили на том же языке, что и он.

– Это прииск, тут добывают золото, – подошел к нему один из старослужащих. – А Легион воюет за золото. Ты разве не знал?

– Знал, – стиснув зубы, ответил Рольф.

– Возьми золота, – сказал ему старший легионер. – Ты никому не поможешь, если откажешься от своей доли добычи.

Рольф взял несколько крупиц металла. По сравнению с тем, сколько взяли остальные, можно было сказать, что он остался с пустыми руками. Несмотря на огромную добычу, взятую легионерами, в поселке еще оставалось немало золота. Вскоре сержанты скомандовали отступление. Многие подчинились с неохотой, а некоторые – с облегчением.

Из дневника рядового Рольфа

«Мы спешно отступили после бойни на прииске. У этих

людей не было ни бронекомбинезонов, ни щитов. Всего лишь с лазерными пистолетами они отбивались от нас, мы потеряли девять человек. Еще двенадцать ранены, но могут передвигаться самостоятельно. Не знаю, сколько погибло людей в поселке, тела были повсюду. Наверняка за нами идет отряд мстителей, такое без внимания не оставят. Нужно уходить как можно скорее и как можно дальше, но, похоже, мало кто думает об опасности. Отряд очень доволен результатами прошедшей войны».

О пользе внимательности

В ходе отступления странности продолжились. Сначала в лагерь отправили добычу. Легионеры в это время уходили от поселка, все вместе прошли первый ряд ловушек, ориентируясь по оставленным маркерам. После этого уехали офицеры и врач. Раненые остались в отряде. Рядовым и временным сержантам предстояло пройти 140 километров по прямой до того места, где их смогут забрать транспортники. И еще три ряда ловушек. Каждому из них активировали личный датчик-маяк, позволяющий отслеживать местоположение и состояние здоровья. Как только отряд соберется на условленном месте, за легионерами вышлют транспортники. Но до них еще надо было добраться.

Проблемы начались, едва отряд дошел до второй линии ловушек. Несколько человек, завидя привычные 15-минутные маркеры, бросились в проход между ними. Рольф пы-

тался остановить их – он помнил, что в этот раз отряд оставлял другие маркеры. Но его почти никто не услышал. И почти сразу же сработали мины-ловушки. Погибли 23 человека, которые пошли по обманному проходу. Еще 11 человек пострадали – те, кто был слишком близко и не успел выставить щиты-отражатели. На третьей линии ловушек все повторилось, правда, в этот раз часть отряда осталась с Рольфом. Но несколько человек – самые нетерпеливые или самые испуганные – не стали ничего слушать. В этот раз мины-ловушки сработали не сразу, увидев, что с legionерами ничего не случилось, за горсткой нетерпеливых пошли чуть менее нетерпеливые. В результате еще 19 человек погибли, 8 получили тяжелые травмы и не могли идти самостоятельно. Четвертую линию ловушек оставшийся отряд, включая раненых, прошел без потерь.

Legionеры двигались медленнее обычного. В основном, их задерживал груз золота, которое взяли на прииске в качестве личной добычи. Пострадавшие, которых приходилось нести на носилках, тоже не позволяли идти быстрее. Рольф понимал, что до места назначения они доберутся гораздо позже, чем хотелось бы. Но его опасения мало кто разделял. Многие разговаривали так, будто уже подходили к лагерю с добычей. У большинства legionеров было приподнятое настроение.

Отряд шел без обычной разведки, только перед небольшой рощицей вперед выдвинулись люди с детекторами ло-

вушек. И едва успели укрыться щитами-отражателями – из-за деревьев началась стрельба, как только legionеры подошли на расстояние выстрела. Рольф помнил, что раньше в подобных случаях отряд составлял щиты «черепахой» и прятался под ними – если не было более надежного укрытия. А стрелял только по команде. На этот раз правилу последовали далеко не все – часть legionеров закрывались щитами поодиночке, а часть вообще пыталась отстреливаться без каких-либо защитных сооружений. Между тем, стрелять начали не только спереди, а со всех сторон. Потому-то и нужны «черепахи» – если ты просмотрел одного врага, то где гарантия, что просмотрел только одного? После непродолжительной стрельбы нападавшие отступили. Но 27 человек остались на земле, в том числе 15 получивших травмы раньше – те, кто не могли сами как следует закрыться щитом и оказались далеко от защитных «черепах».

Погибших могло быть и больше. Врач уехал вместе с офицерами, а многие рядовые не очень хорошо разбирались в лекарствах. Тем не менее, раненым нужно было оказать первую помощь – хоть как-то, чтобы облегчить боль. Для этого в Legionе использовали дешевый и надежный препарат, даже тяжелораненые после него некоторое время не ощущали боли, и их можно было довести до госпиталя. Правда, закупать его приходилось у разных поставщиков, смотря у кого было нужное количество. Производители тоже были разные, поэтому в одних партиях были полностью готовые для инъек-

ций ампулы, а в других нужно было использовать две таких дозы. Если же ограничиться одной инъекцией, через короткое время пострадавший испытывал сильный болевой шок. Пережить его в полевых условиях было практически невозможно. К счастью, у препаратов была разная цветокодировка, так что даже люди, далекие от медицины, могли разобраться, что надо делать.

Рольф, как и другие в отряде, оказывал первую помощь раненым. Рядом с ним еще один легионер собирался вколоть препарат пострадавшему товарищу. Случайно Рольф обратил внимание на синюю маркировку – в этом случае нужно давать двойную дозу препарата. Но легионер после первой ампулы собрался закрыть аптечку раненого.

– Стой, – поднял руку Рольф. – Здесь синяя маркировка, нужна еще одна доза.

– Что? Синяя? – не сразу понял легионер. А потом полез в аптечку за второй ампулой.

Один из временных сержантов заметил это и сказал, чтобы все проверили, какие инъекции они делали. После этих слов еще несколько человек достали ампулы с лекарством и сделали необходимые уколы в нужной дозировке.

Из дневника рядового Рольфа

«Мы потеряли уже 78 человек, еще 16 ранены, никто из них не может идти самостоятельно. До места сбора около 100 километров по прямой, может, чуть меньше. Вряд ли остав-

шийся путь будет легким, отряд движется слишком медленно из-за золота, а следом за нами идут мстители. Но ни погибшие, ни грозящая опасность не мешают легионерам веселиться и строить планы на будущее, как будто мы уже вернулись в лагерь. Отряд все еще очень доволен результатами прошедшей войны».

Мясорубка

Веселье было недолгим. К концу очередного перехода многие сделались нервными, и если одни оглядывались по сторонам гораздо чаще обычного, то другие намного резче реагировали на любые слова и действия, хотя в них не было ничего обидного, не говоря уже об угрозе. Временные сержанты запретили разводить огонь, чтобы не показывать мстителям, где именно отдыхают легионеры. Уставшие люди жевали пищевые концентраты и запивали их водой. Потом дежурные, в том числе и Рольф, пошли проверять состояние раненых. И вдруг началась стрельба, причем стреляли в самом отряде, и не внезапно подкравшиеся враги, а сами легионеры. Стреляли в тех, с кем сражались плечом к плечу и вместе несли пострадавших.

А Рольф внезапно вспомнил лагерь. Мысленно он снова оказался на занятиях. Инструктор рассказывал о нейрогранатах.

– Их необходимо применять, когда нужно обезвредить противника. Обездвижить его, но ни в коем случае не

убить, – говорил один из сержантов. – Это не лазер, настрой-ки заранее не выставишь, нужна высокая точность стрельбы, так что не пренебрегайте тренировками на полигоне. И важно сохранять неподвижность – стреляйте строго из одной точки, чтобы самим не попасть под действие нейрогранаты, когда вам понадобится ее применить.

– А когда это может понадобиться? – спросил один из легионеров.

– Когда будет нужно обездвижить противника, но ни в каком случае не убить, – повторил инструктор. – Вы сами поймете, что настал такой момент.

Рольф мысленно все еще был на занятии, а его руки уже потянулись за винтовкой, прикрепили к ней дополнительный разрядник, сняли с пояса одну из нейрогранат, заменили заряд. А потом он выстрелил, и отряд накрыла давящая тишина. Стрельба прекратилась, легионеры замерли на земле. Когда действие спецсредства закончилось, желания стрелять уже ни у кого не было. Люди медленно поднимались, словно еще не совсем поняли, что произошло. А 12 человек так и остались лежать – погибшие во внезапной перестрелке со своими же товарищами.

– Да что ж такое творится у нас в отряде, – тихо сказал Рольф, ни к кому не обращаясь.

– Легион воюет за золото, – ответил ему один из старослужащих. – Ты разве этого не знал?

– Но не со своими же, – возразил Рольф.

– А со своими – легче всего, – продолжил легионер. – Они нападения не ждут, и золото у них точно есть – все ведь видели, кто сколько взял.

– Не со своими, – с нажимом повторил Рольф.

– Тебе за это дадут железный крест, маячки уже все передали, – после недолгого молчания сказал старослужащий. – За предотвращение Мясорубки всегда дают железный крест. Только желающих ее предотвращать обычно не находится. Как и желающих говорить о том, что произошло в походе.

После этих слов Рольф вспомнил Матилуса, много лет назад убитого в родной деревне. У того тоже был железный крест. Значит, он тоже помешал товарищам по отряду перебить друг друга.

– Тебе нужно учиться, – продолжил легионер. – Из тебя выйдет хороший сержант.

– Сержанты уехали с золотом, – возразил ему Рольф.

– Да, – согласился его собеседник. – Только хорошие сержанты добровольцами не записываются. Иначе почти каждый такой поход не заканчивался бы стрельбой по своим, после которой от отряда остается лишь горстка легионеров. Я все проиграл на рыбьих состязаниях, хотел получить побольше денег к тому времени, когда придется уйти из Легиона, и все потерял. Иначе я бы никогда не записался добровольцем второй раз. Не только потому, что сам мог погибнуть после такой бойни, – легионер помолчал немного и добавил: – Из тебя выйдет хороший сержант.

Так Рольф узнал, что такое Мясорубка.

Бегство

Отряд задержался на месте отдыха, только чтобы похоронить мертвых. 12 человек погибли от своих же. Еще пришлось копать могилы для двоих легионеров, умерших от ран. После этого все вновь направились к месту сбора. Шли медленно – сказывалась накопившаяся усталость. К тому же в отряде вспомнили об осторожности, и временные сержанты направляли по несколько человек с детекторами ловушек вперед. Биоискатель был только один, периодически кто-то с ним проверял, нет ли людей недалеко от отряда. После стрельбы легионеры окончательно утратили веселье, стихли даже редкие разговоры. На отдых они устроились примерно час спустя, выставив охрану.

На следующий день продвигались тем же порядком. Вскоре отряду преградили путь неизвестные ловушки. Никто из временных сержантов, не говоря уже о рядовых, с такими раньше не сталкивался. В итоге пришлось изменить маршрут, чтобы найти безопасную дорогу. До следующего привала его пришлось менять еще дважды – один раз из-за ловушек, второй – из-за людей. Когда на отдыхе проверяли состояние раненых, выяснилось, что еще 7 человек умерли. После похорон и непродолжительного отдыха отряд отправился дальше, до вечера шли без происшествий, только легионеры отклонились от наиболее короткого пути к месту сбо-

ра. Возвращение в лагерь откладывалось.

Ночью никто не нападал, а за пару часов до рассвета дежурный доложил одному из временных сержантов, что 30 человек ушли, захватив свои вещи.

– Они отправились на северо-восток, – уточнил легионер. – Я подождал, пока они отойдут подальше, а потом общил.

– Значит, нам нужно идти на юго-восток, – ответил временный сержант. – И немедленно.

Место сбора было на востоке. А любой человек с оружием вне отряда – это опасность, от которой стоит держаться подальше. Даже если вне отряда он оказался совсем недавно. Отряд быстро собрался и отправился в путь, не задерживаясь для завтрака. Пищевые концентраты жевали на ходу, запивая водой. Направление приходилось несколько раз менять, чтобы не встретиться с людьми. Были ли это бывшие товарищи по отряду или мстители, никто выяснять не хотел. Немного отдохнуть удалось только во второй половине дня, пока временные сержанты обезвреживали мины-ловушки. Когда все перебрались в относительно безопасное место, устроили привал. Прежде чем устроиться на ночлег, легионерам пришлось похоронить еще четверых. К утру не стало последних трех раненых. После завтрака поредевший отряд отправился дальше.

Неприятности начались около полудня. Легионеры обнаружили очередные мины-ловушки. По виду они ничем не от-

личались от обычных, которых уже немало было обезврежено в этом походе. Но когда от одной из них отсоединили последние контакты, в воздух поднялся зеленоватый дымок.

– Респираторы! – заорал не своим голосом один из временных сержантов. Выполнить его приказ успели не все. Шесть человек, в том числе двое временных сержантов, которые обезвреживали ловушки, остались на земле. Легионеры отступили, захватив их тела, а когда отошли на безопасное расстояние, похоронили умерших. Оставшийся временный сержант приказал всем принять антидот.

– Газовые ловушки, – говорил он, словно сам с собой. – Кто бы мог подумать? Их не используют уже лет пятьдесят. Они вообще запрещены, кажется. Их невозможно обезвредить, только уходить. Но раньше их нельзя было спутать с обычными, там были стеклянные колпачки, чтоб удерживать газ. Кто-то же додумался подменить «начинку» в ловушке! И ведь наверняка, подлец, считал, что сделал что-то хорошее.

– Откуда ты знаешь про газовые ловушки, если их уже давно не используют? – спросил Рольф.

– Разными изобретениями когда-то увлекался, – ответил временный сержант, глядя ему в глаза. – Хотел поступить на Инженерный факультет. А кое-что из прочитанного в голове осталось.

После короткого отдыха отряд отправился дальше. Теперь шли еще медленнее, причем все больше уклонялись к югу. Во-первых, ловушки старались обходить, а во-вторых,

многие легионеры, казалось, стали куда слабее, чем раньше. Двое или трое падали на землю, но потом все же поднимались и шли дальше. Временный сержант мрачнел с каждым часом, но молчал. На ночлег остановились, не дожидаясь вечера. И вскоре пришлось копать три могилы. К утру умерли еще 11 человек.

После похорон отряд молча направился к месту сбора, уже через час пришлось остановиться – трое не могли идти самостоятельно. Их поместили на носилки, еще через час они умерли. К обеду не могли идти уже десять человек. Временный сержант объявил привал на весь оставшийся день. К вечеру этих десяти уже не стало, а к утру – еще десяти. Очередной переход также был недолгим – пришлось хоронить еще троих.

– Вот поэтому от газовых ловушек и отказались – антидот помогает не всегда, – хмуро сказал временный сержант, оглядев оставшихся 17 человек. – А теперь надо идти дальше.

Как обычно, легионеры проверили, куда можно двигаться.

– Там минные поля, – доложили люди с детекторами ловушек. – Ловушки лежат плотно, на большой территории.

– Там небольшая группа людей, стрельба, – доложил легионер, умевший обращаться с биоискателем. – А там – большой отряд, идут без шума и быстро.

– Нам больше некуда идти, – сплюнул временный сержант. – Теперь уже некуда. Обложили со всех сторон.

– Не со всех, – возразил Рольф и указал в сторону песчаной полосы. – Там нас никто не ждет. И там нас отделяет от места сбора 70 километров. Это шанс.

– Идти по песку – не сахар, – сказал один из легионеров.

– А здесь вообще сахара нет, – ответил временный сержант. – Может, и шанса нет тоже. Но мы попытаемся. Может, кто-то и дойдет.

Пустыня

По песку двигались медленно, временами увязая в нем едва ли не по колено. К вечернему привалу все вымотались так, что легли спать, не позаботившись об охране. А утром выяснилось, что отряд потерял еще троих – их укусили песчаные змеи. Защиту от них давали только специальные репелленты. Даже в госпитале в случае укуса не всегда удавалось спасти жизнь пострадавшему, не говоря уже о походе. После этого случая отряд помрачнел еще больше.

Легионеры шли строго на восток, а потом дорогу им преградили очередные мины-ловушки, лежащие плотными рядами. Это были старые устройства, и временный сержант решил рискнуть и обезвредить их. Он взял себе в помощники одного легионера и легко справился с первыми устройствами. Практически сразу он понял, что ловушки никто не активировал, сработать они могли случайно или из-за технического дефекта. Он объяснил остальным, в чем дело и как обезвредить такие мины, и отряд пошел дальше. Вскоре ле-

гионеры увидели самоходное орудие с покоруженным стволом, почти засыпанное песком; через сто метров – еще одно, но без видимых повреждений.

– Где мы оказались, сержант? – спросил кто-то из отряда. – Здесь шли бои?

– Да – учебные. Скорее всего, это полигон, – ответил временный сержант. – Похоже, тут когда-то испытывали разное оружие. Часть бросили – мины, самоходки, мало ли что еще. Так что будьте поосторожнее.

Напоминания об опасности не помогли. Один из легионеров споткнулся и упал на колючую проволоку, засыпанную песком. От падения колючки вылезли из песка, за них зацепились еще несколько человек. В итоге пятеро серьезно поранили руки, еще несколько поцарапались, когда помогали товарищам освободиться. К утру у пострадавших началась лихорадка. В этот день отряд остался на месте, а к вечеру пятерых пришлось хоронить – тех, кто поранился сильнее всех.

Ночь прошла спокойно, а во время дневного перехода сержант заметил, что один из легионеров постоянно отстает. Он не мог идти наравне с остальными из-за взятой на прииске добычи.

– Оставь часть золота, – сказал ему сержант.

– Нет! – крикнул легионер. – Оно нужно мне все. Я рисковал жизнью за это золото!

– Риск еще не окончен, – принялся увещевать его сержант. – Задерживаться очень опасно. Что тебе важнее –

жизнь или золото?

– Конечно, золото, – с безумной улыбкой ответил рядовой. После этого он подхватил свой вещмешок с добычей и неожиданно бодро побежал в сторону от отряда. Отбежав метров на десять, он схватил винтовку и покончил с собой.

До утра все отдыхали, а утром на пути отряда появился плотный серебристый туман, к обеду он стал ближе. Легионеры пытались обойти его, но, казалось, он закрывал все восточное направление. Привал пришлось объявить до наступления вечера – еще три человека упали на песок и больше не встали. Следующий переход был особенно тяжелым – легионеры еле переставляли ноги и многие постоянно тянулись к фляжкам с водой. Серебристый туман стал еще ближе.

– Сержант, объясни им, что столько пить нельзя, – тихо сказал Рольф. – Пусть возьмут глюкозы, чтобы меньше хотелось пить. Иначе они не дойдут.

– Они в любом случае не дойдут. Пустынная лихорадка, – ответил сержант. – Но говорить им об этом не стоит.

К утру умерли еще четыре человека. Серебристый туман приблизился еще больше. Рольф пытался угадать, что это такое, но так ни к чему и не пришел.

– Не фонит? – спросил его временный сержант, сидя на песке.

– Нет. Вообще ничем не отличается от пустого места, – ответил Рольф. – Не нравится мне это. Надо уходить.

– Дальше тебе придется идти одному.

– Почему?

– Пустынная лихорадка – коварная штука, – невесело улыбнулся сержант. – Не волнуйся, надолго я тебя не задержу. Жаль, воды почти не осталось. Хотелось бы умыться.

Рольф отцепил свою фляжку и протянул товарищу:

– Возьми. У меня немного осталось.

– Тебе нужнее, – покачал головой сержант. – Тебе еще возвращаться в лагерь. А мне можно и потерпеть. Посиди немного со мной. Тебя как зовут?

– Рольф. А тебя?

– Мартин. Почему ты записался в добровольцы, Рольф?

– Я не хотел, чтоб в добровольцы попал мой друг. Добавил ему в какао лекарство от коровьей лихорадки. Старый сержант видел это, сказал, или мне терять все сбережения, или идти вместо него. Я пошел, а он обещал присмотреть за другом.

– А я хотел получить денег, чтоб было на что жить после ухода из легиона. Понимаешь, когда тебе двадцать, надо быть осторожным, вся жизнь впереди, иначе она может стать очень короткой. И в тридцать можно быть осторожным, еще есть время, еще можно что-то сделать. А в сорок уже не знаешь, что большее безумие – записаться в добровольцы или, наоборот, не записываться. Потому что знаешь – того, что удалось скопить, хватит лишь на очень короткую жизнь. Так может, пусть она и будет короткой? В молодости я хотел поступить на Инженерный факультет, хотел со-

здавать разные устройства, например, чтоб не нужно было делать такие большие разрезы при операциях. Но обучение очень дорого, и я пошел в Легион, чтобы заработать денег. Шесть лет я копил каждую крупицу золота и готовился к поступлению. А когда думал, что накопил, выяснилось, что правила изменились, и плата за вступительные экзамены при успешной сдаче больше не учитывается при оплате самого обучения. Ты просто теряешь эти деньги, в любом случае. И мне уже не хватало на учебу. Пришлось копить еще. А когда опять думал, что накопил, оказалось, что обучение подорожало вдвое, – сержант помолчал немного и продолжил: – В Легионе мне тогда предложили стипендию, но при условии, что я буду создавать всякие военные штуки – мины-ловушки и тому подобные вещи. И можно было бы учиться. Я отказался, потому что ловушек и так много, а оборудования для врачей – нет. И никогда об этом не жалел. И сейчас не жалею. Жаль только, воды почти нет.

– Возьми, – снова протянул ему фляжку Рольф. Сержант только покачал головой и полез в нагрудный карман. Достал оттуда маленький мешочек и протянул Рольфу:

– Возьми, тебе пригодится. До пункта сбора – пятнадцать километров. Ты дойдешь. А потом иди учиться.

– Как – пятнадцать километров? – не понял Рольф.

– Вон там – пятнадцать километров, – сказал Мартин, указывая на серебристый туман, который за время разговора стал еще ближе. – Да, мы не знаем, что это такое. А что

мы вообще знаем? Может, это природное явление, а может – новое оружие. В любом случае, больше выбирать не из чего, а это – шанс. Жаль только, что это не дождь, хорошо бы умыться.

Рольф взял протянутый ему мешочек. После этого временный сержант потряс своей флягой, где на дне еще плескались остатки воды, вылил их на лицо, улыбнулся и какое-то время сидел молча.

После похорон Рольф проверил снаряжение, поудобнее прикрепил детектор ловушек и биоискатель и пошел на восток, прямо в серебристый туман.

Из дневника рядового Рольфа

«Кажется, я потерял блок памяти. Или я потерял золото? Не помню. Ничего не помню. Еды нет уже несколько дней, осталась одна глюкоза, да и она заканчивается. Не знаю, сколько мне еще идти, не помню, сколько уже иду. Впереди все тот же серебристый туман, не знаю, что это такое, но это не обычные осадки, дождя не будет, а жаль. Воды осталось несколько глотков. А хорошо было бы умыться».

Из записок «Исторического общества»

«Известно, что в планах Империи было создание оружия нового поколения – которое бы полностью ликвидировало человека, но при этом не причиняло бы вреда окружающей среде, не воздействовало на любые материальные объекты.

Документальных подтверждений, что подобное оружие было создано, не обнаружено. Однако косвенные данные указывают, что такие попытки были, и была как минимум одна попытка испытать эти разработки. Неизвестно, насколько близко удалось подойти к решению задачи. Предполагаемые разработчики погибли в полном составе при взрыве в бункере. Также неизвестно, был ли взрыв связан с испытаниями или это случайное совпадение».

Из сообщений СМИ

«В Центральном госпитале при НИИ головного мозга в Мотау подтвердили, что у них на лечении находится мужчина, найденный два дня назад в пустыне. По имеющимся данным, он был легионером и 60 лет назад пропал без вести. Мужчина сильно истощен, есть ли у него какие-то проблемы с мозгом, не сообщается.

Напомним, два дня назад археологи в пустыне, примерно в 20 километрах от исследовательской базы, обнаружили мужчину средних лет с оружием. Он стоял на коленях и шептал, что потерял свое золото. Найденный был очень слаб, его доставили в город для лечения».

Госпиталь

Когда Рольф открыл глаза, он увидел, что лежит в светлой комнате. В окно светило солнце. Он попытался повернуться, но не смог – все тело опутывали провода. Вскоре после этого

в комнату вошла девушка в светло-зеленом халате.

– Доброе утро! – улыбнулась она Рольфу. – Как вы себя чувствуете?

– Доброе, – отозвался Рольф. – Где я нахожусь?

– Вы в госпитале, – ответила девушка. – Но ничего страшного не произошло, вы поправитесь.

– Это госпиталь Легиона? – удивился Рольф. Он помнил, что девушек не брали в легионеры.

– Нет, это госпиталь научно-исследовательского института.

Рольф не знал, что такое научно-исследовательский институт, но от этих слов ему стало тревожно. Он понимал, что должен как можно скорее вернуться в лагерь.

– Когда меня выпишут? Со мной все в порядке.

– Вы очень ослабли, и вам нужно сначала восстановить здоровье, – ответила девушка. – А выпишут вас, как только ваш лечащий врач решит, что вы полностью поправились. Скоро он придет к вам. А сейчас самое время позавтракать.

Только после этих слов Рольф заметил у двери тележку с тарелками и гигиеническим набором. Девушка быстро накрыла небольшой столик рядом с кроватью, нажала какую-то кнопку, после чего легионер оказался в полусидячем положении и смог шевелить руками, пожелала приятного аппетита и ушла. Еда была незнакома Рольфу, но он привык не привередничать и съел все. А потом думал, когда его выпишут, и как в Легионе отнесутся к тому, что он был в другом

госпитале. Он не помнил ни одного подобного случая, и не мог припомнить ни одного параграфа устава, где бы говорилось об этом. А еще думал, чем будет платить за лечение и во сколько это обойдется.

Его размышления прервал визит девушки, которая приносила еду, и мужчины в светло-зеленом халате и с небольшим чемоданчиком. Девушка собрала тарелки и увезла их на тележке, мужчина оказался тем самым лечащим врачом, он раскрыл чемоданчик и принялся расспрашивать Рольфа о разных вещах – от того, нравится ли ему погода за окном, до снов, которые он видел в предыдущую ночь. При этом врач умудрялся одновременно смотреть и на Рольфа, и в свой чемоданчик.

– Когда меня выпишут? – не выдержал Рольф. – Мне нужно вернуться в Легион.

– Выписывать вас еще рано, – ответил врач. – Сначала вы должны полностью восстановиться.

– Со мной что-то не то? – волновался Рольф. – Скажите, что со мной произошло?

– А что вы помните из того, что с вами произошло?

– Помню туман, помню пустыню, – стал перечислять Рольф.

– Сколько времени вы шли по пустыне?

– Долго, еда закончилась, и глюкоза почти закончилась. Воды было совсем мало. О нет! Я потерял свое золото...

– При вас было два мешочка с золотом, когда вас нашли.

Вы помните, что было больше?

Рольф вспомнил прииск. Конечно, там было очень много золота, но оно ему не принадлежало. Он покачал головой и снова спросил:

– Значит, я потерял блок памяти?

– Нет, он тоже был при вас. Сейчас он лежит в вашей тумбочке. Остальное ваше имущество хранится в сейфе. Это два мешочка с золотом, а еще раритетное оружие и оборудование.

– Что значит – раритетное? – снова забеспокоился Рольф. – У меня была лазерная винтовка с боеприпасами, биоискатель и детектор ловушек – все почти новое.

– Да, вы правы, все ваше имущество выглядит как новое, – согласился врач, потом немного помолчал и добавил: – Только современным оно было шестьдесят лет назад.

– Как – шестьдесят лет назад?

– Видите ли, с тех пор, как вы служили в Легионе, прошло шестьдесят лет. До недавнего времени вы числились пропавшим без вести.

Рольф пытался осознать, что такое шестьдесят лет. Это средний срок жизни человека. Вряд ли Адам жив, а если и жив, то, конечно, уже не помнит Рольфа. И конечно, никакого золота у него больше нет – по уставу его завещание вступило в силу спустя полгода после того дня, когда его объявили пропавшим без вести. Значит, он остался совсем один, без накоплений и без работы.

– Я потерял свое золото, – прошептал Рольф.

– Не расстраивайтесь по этому поводу. За прошедшие годы золото сильно упало в цене.

– Значит, я не смогу оплатить свое лечение, – сказал Рольф.

– Вам не придется ни за что платить, – успокоил его врач. – У вас ведь есть страховка легионера. Не имеет значения, сколько лет прошло, ваше лечение будет полностью оплачено. Я понимаю, вы сейчас услышали не самые хорошие новости. Но иначе нельзя, вам надо привыкать жить в изменившемся мире. А сейчас вам нужно поспать.

Врач сделал Рольфу укол, и вскоре мужчина заснул. Во сне его снова со всех сторон окружал серебристый туман. А еще он слышал тревожные голоса, только не мог разобрать слов. Проснулся он, когда ему принесли обед. К еде Рольф так и не притронулся.

– Вам надо поесть, – сказала ему девушка, которая приносила завтрак. Он даже не заметил, как она вошла. – Нужно набираться сил. Вы выжили в походах Легиона, выжили в пустыне, уж наверно, это произошло не потому, что вы отказывались от еды!

– А еще раньше я выжил на очень бедной ферме, – бесцветным голосом ответил ей Рольф. – И все оказалось зря.

– Не зря, – возразила девушка. – Не бывает, чтоб усилия человека, который действительно старается, были зря.

– Бывает, – возразил ей Рольф, который вспомнил Мар-

тина и других ребят по последнему походу.

– Вы можете доказать, что не бывает, – сказала девушка таким тоном, которому позавидовал бы и сержант. – Вот возьмите и докажите.

– Что вы здесь делаете? Вы врач?

– Я учусь на помощника врача. Сейчас у меня рабочий семестр.

– Я бы хотел умыться, – после недолгого молчания сказал Рольф. – Понимаете, настоящей водой. Где это можно сделать?

– Сначала вам нужно поесть. Потом, если врач разрешит вставать, я покажу вам ванну.

После этого Рольф взялся за ложку.

Возвращение

Рольф сидел в палате и слушал записи своего дневника. Так он проводил почти все свободное время. Завтракать, обедать и ужинать он ходил в столовую. Еще занимался в спортзале – полчаса в первой половине дня и столько же перед сном. И каждый день к нему приходил врач. Присоединял какие-то датчики к телу, задавал разные вопросы и умудрялся одновременно смотреть и в свой чемоданчик, и на Рольфа. В тот день после обычной процедуры датчиков и вопросов врач закрыл свой чемоданчик и посмотрел на бывшего легионера.

– К вам хочет прийти посетитель, – сказал он.

– Из Легиона? – с надеждой спросил Рольф.

– Нет, из издательства. Знаете, такие люди, которые публикуют разные книги и продают их другим людям, – пояснил врач.

– Да, знаю, – откликнулся Рольф и вспомнил, что хотел писать мемуары, когда уйдет из Легиона.

– Поскольку это деловая встреча, я бы настоятельно рекомендовал идти на нее вместе с советником, – продолжал врач. – Вы можете воспользоваться услугами нашего советника бесплатно. Также я бы настоятельно рекомендовал сначала обсудить предложение с советником, а только потом принимать решение и сообщать о нем представителю издательства.

– Хорошо, я согласен.

– И, пожалуй, вам уже можно смотреть новости. Медсестра покажет, как пройти в общий зал и где смотреть расписание передач.

Представитель издательства пришел в точно назначенное время. Рольф и советник госпиталя уже ждали его в комнате для встреч.

– Здравствуйте. Вы служили в Легионе шестьдесят лет назад, правильно? – без предисловий начал гость.

– Да, все так, – подтвердил Рольф.

– Вы отправились в поход, потом вас признали пропавшим без вести, а через шестьдесят лет вы вернулись?

– Да, так и было.

– А в этом походе было что-то особенное?

– Он весь был особенный. Это был поход добровольцев.

– Добровольцы... А, это был поход за золотом?

– Да.

– И много вас вернулось? Насколько я знаю, в таких походах обычно гибло много людей.

– Не знаю. Сам я вернулся только недавно. Все, кто шел со мной, погибли. Еще был небольшой отряд, который ушел от нас. Не знаю, что с ним случилось.

– Вы помните подробности этого похода?

– Я помню весь этот поход. Я вел дневник, когда служил в Легионе.

– Эти записи, они сохранились у вас?

– Да.

– Вы знаете, из них может получиться неплохая книга. Вы не думали об этом? Мы могли бы вам помочь в этом вопросе.

– И что я за это получу?

– Наш друг-легионер никогда не забывает о деньгах, не так ли? – натянуто улыбнулся представитель издательства.

– Легион воюет за золото, – ответил Рольф. – А я, хоть уже и не являюсь легионером, прослужил достаточно, чтобы усвоить правила.

– Разумеется, вы получите вознаграждение. А вы помните названия поселков, где вы были в походе?

– Нет. Я не знаю их.

– О, это не проблема, мы могли бы совместными усили-

ями восстановить ваш маршрут. Знаете, такие вещи очень нравятся людям, они охотнее покупают такие книги.

– Нет. Я не хочу, чтобы жители того поселка знали, что еще жив кто-то из участников тех событий. И я не хочу знать, кто именно ставил химические ловушки на моих товарищей. Если такая позиция не влияет на ваше предложение, я готов его рассмотреть.

– Э, видите ли, мы заранее не знали, каким материалом вы владеете, поэтому я не готов вам назвать сейчас сумму вознаграждения, – ответил представитель издательства. – Если не возражаете, я сообщу вам ее позже. И вы сможете тогда рассмотреть предложение.

Когда он ушел, Рольф посмотрел на советника. Тот не сказал ни слова за все время визита.

– Извините, я должен был сначала посоветоваться с вами, а только потом что-то отвечать. Но я не мог на это согласиться. Те люди, с которыми я был в походе, большинство из них не были плохими, они просто хотели выжить. И у них был шанс, но обстоятельства тогда были против нас. Они могли бы выжить, и мне не хотелось бы знать, кто им помешал – пусть и косвенно.

– Не нужно извиняться, – отозвался советник. – Я должен был проконсультировать вас по финансовой части предложения, ведь за прошедшее время многое изменилось. Расчеты больше не ведут в золоте, да и само оно стоит совсем немного. Раз цифры не были озвучены, вы можете принять

решение самостоятельно. Но что-то мне подсказывает, что это не последний визит из издательства. Если не из этого, то из другого.

Так оно и получилось. Через два дня на имя Рольфа пришло письмо на официальном бланке издательства с предложением опубликовать у них книгу воспоминаний. Предложенной суммы хватало, чтобы безбедно прожить два года. А вскоре к Рольфу пришел еще один человек.

– Вы становитесь популярным, – улыбнулся врач. – Это личный визит, но мне почему-то кажется, что у человека, который отсутствовал шестьдесят лет, вряд ли много друзей. Поэтому я рекомендовал бы взять и на эту встречу советника.

Рольф так и поступил. В назначенное время он был в комнате для встреч и нервничал куда больше, чем перед приходом человека из издательства. Гость опоздал на пять минут. Он оказался совсем молодым парнем.

– Извините, я не знал, что сюда нельзя с апельсинами, – начал он. – Мне пришлось их сдать, поэтому я опоздал. Я думал, тут, как в обычной больнице, гостинцы отдают лично человеку, которого навещают. Там апельсины – чуть ли не обязательная программа, все их приносят, в обычные больницы.

Рольф порадовался, что с ним советник. Он определенно не знал этого парня и не понимал, о чем идет речь. А гость тем временем продолжал:

– Здравствуйте, меня зовут Кевин. Впрочем, мое имя вам ничего не скажет, – немного смутился он. – Я здесь по поручению моего деда, Адама из Глестена. Вы помните его? Вы оставили ему записку перед уходом в добровольцы. Он велел мне разыскать вас. То есть сначала велел моему отцу, а когда я вырос, то уже мне. Папаша вечно занят, мы все стараемся не отвлекать его.

– Так ты пришел из-за золота? – спросил Рольф. Он помнил, как написал в записке что отдаст половину премиальных Адаму.

– Ну конечно! Дедуля мне все уши прожужжал, что я должен обязательно найти легионера по имени Рольф...

– Но ведь золото сейчас не особо ценно, – перебил его Рольф. Ему было неприятно узнать, что Адам думал только о премиальных.

– ... и вернуть ему его золото. Ну, то самое, из завещания, – закончил парень. – А насчет цены не волнуйтесь. Это я за дедулей повторяю – золото. На самом деле там все совсем не так, и стоит прилично, как говорит отец. А уж он в этих делах разбирается.

– Вернуть? – мир Рольфа как будто перевернулся. Он не мог понять, что происходит.

– Ну да, это же ваше. Только вы не обижайтесь, я должен кое-что проверить, – после этих слов гость полез в карман и вытащил какую-то бумажку.

– А что, твой дедушка женился на Марии? – спросил

Рольф. Он помнил историю любви своего друга.

– Да, – удивился Кевин. – Мою бабушку зовут Мария. А сейчас, если не возражаете, я должен задать вам несколько вопросов. Дедуля высказался по этому поводу весьма категорично. Расскажите, как вы познакомились?

Потом последовал ряд вопросов, как понял Рольф, визитер хотел убедиться, что он действительно тот самый сослуживец Адама.

– А твой дедушка, что с ним сейчас? – спросил бывший легионер, заранее опасаясь ответа, который мог получить.

– Дедуля на пенсии. Он не знает, что я здесь, – ответил Кевин. – Мы все это время отвлекали его, как могли, от новостей. Он бы непременно поехал сюда сам, но понимаете, мало ли кого могли найти в пустыне и кто и когда служил в Легионе? Надо было сначала убедиться, что вы – это вы. Мы приедем навестить вас вдвоем, вы не возражаете? Бабуля все равно не отпустит дедушку одного.

– Конечно, приезжайте, – ответил Рольф, искоса посмотрев на советника. Тот выглядел абсолютно спокойно. – Я буду рад увидеться с Адамом, и с тобой тоже.

В тот вечер он долго не мог заснуть. Никак не удавалось привыкнуть к мысли, что у его друга, которого он помнил зеленым юнцом, уже есть внук.

Встреча через 60 лет

Адам приехал через два дня. Вместе с Рольфом его в ком-

нате для посетителей ждали медсестра и советник. Едва они вошли, дежурный объявил о приходе гостей. Кевин поддерживал под руку пожилого мужчину с тростью. Вероятно, это и был его дедушка. Рольф пытался узнать в посетителе того самого Адама из Глестена. Тот, видимо, тоже. Какое-то время гость и бывший легионер пристально всматривались друг в друга, а потом посетитель нарушил молчание.

– Рольф! Ты вернулся, Рольф, – выдохнул он. По его лицу текли слезы.

– Да, я вернулся, – попытался улыбнуться Рольф.

Гость передал свою трость внуку и шагнул вперед, протянув руки к другу. Тот встал и пошел к нему. Мужчины обнялись после долгой разлуки.

– Я знал, что ты вернешься, все эти годы знал. И ждал, когда ты придешь, – продолжал Адам, когда все уселись в кресла. – Но как же одиноко было без тебя первые десять лет!

– Десять лет без тебя тоже были очень одинокими, малыш, – прошептал Рольф.

– Когда я получил твою записку, я даже не понял, что произошло, – говорил Адам. – Ну, я тогда не очень хорошо себя чувствовал. А потом меня выписали, а тебя все не было. А потом я узнал, что публикуют имена погибших, кто уходит в такие походы, там же специальные маячки активируют. И я каждое утро ходил туда, чтоб посмотреть. Боялся, что увижу твое имя, но шел. Не видел его – и до вечера ждал, что ты вернешься. А потом увидел, что ты пропал без вести. Но

это ведь не то же самое, что умер, правда? А потом данные перестали публиковать, в связи с утерей актуальности, так, кажется, это называется. Только я все равно ждал. И тут – представляешь? – вызывает меня командир и объявляет о твоём завещании. Я тогда совсем не знал, что делать. Мне казалось, что если я приму твое золото, значит, признаю, что ты больше не вернешься. Сначала я думал отдать его твоим родственникам, я помню, ты говорил, что родился на ферме, и у вас была большая семья. Наверно, им бы деньги не помешали. А потом я подумал, что если б ты хотел отдать золото им, то так бы в завещании и написал. Но ты указал меня. Наверно, хотел, чтобы я просто присмотрел за твоими сбережениями, сохранил их до твоего возвращения. Ну, и чтобы они не достались Легиону. Я записал сумму, которая у тебя была, чтобы при первой же возможности вернуть все. Знаешь, вроде как взял в долг, пока тебе не понадобится твое золото. А потом у нас была коровья лихорадка, и сержант отправил меня дежурить в госпиталь. Понятия не имею, почему, никаких нарушений с моей стороны тогда не было.

– Он знал, что у тебя иммунитет, – тихо сказал Рольф.

– А потом объявили новый набор добровольцев, – продолжал Адам, словно не слыша друга. – И я задумался – если пойду, может, узнаю что-то о тебе, но если б не записался в тот раз, тебе бы не пришлось уходить. Я не успел ничего решить, сержант снова отправил меня на дежурство в госпиталь, прямо сразу, как объявили о походе. А там врач все

время гонял в библиотеку – то посмотри, это прочитай. Не знаю, почему он это делал.

– Потому что знания лишними не бывают, малыш, – прошептал Рольф.

– Да, ты прав, – согласился Адам. – Я тогда думал, зачем все это? Я больше времени проводил в библиотеке, чем в госпитале. И честно говоря, мне тяжело давалась вся эта больничная премудрость. А потом я читал про разработку лекарств – как их делают менее неприятными, чтоб больной мог их принять без особого дискомфорта. И вспомнил, как мы пили какао. Ты ведь тогда провернул что-то похожее. Ты спас меня, потому что знал куда больше, чем я. С тех пор я стал относиться к таким заданиям намного прилежнее. А через некоторое время меня вызвал командир и предложил учиться. Мол, врач хорошо меня характеризует, и я получу стипендию от Легиона, если сдам экзамены. Но при условии, что останусь в Легионе до пенсии. Я предложил свой вариант – учусь без стипендии, но остаюсь легионером и работаю в госпитале, пока не уйду, не важно по какой причине. Благодаря твоим сбережениям я мог не привязывать себя на всю жизнь к Легиону. Вот тогда и началась моя учеба. Я полтора года в свободное время ничего не видел, кроме библиотеки! Да еще врач постоянно тесты устраивал, а потом разбирал мои ошибки. Я ведь не только тебе должен сказать спасибо, но и им – врачу, сержанту. Без всех вас ничего бы у меня не вышло.

– Все равно бы вышло, – возразил Рольф. – Так не бывает, чтобы человек старался, и у него не получилось.

– Бывает – если он не знает, в какую сторону идти. Или делает глупости. Ты удержал меня тогда, где б я был, если б не ты? Ты столько раз спасал мне жизнь!

– Не стоит об этом.

– Ты не понимаешь, – снова возразил Адам. – Я ведь все рабочие семестры проводил в Легионе, в госпитале. Я лечил тех, кто возвращался после походов, ну, добровольцев. И потом, есть ведь еще одно. Нас возили на практические занятия в разные госпитали, показывали, где что умеют делать лучше, чтоб мы учились. Возили студентов разных Медицинских факультетов. И там, представляешь, я встретил Марию! И мы узнали друг друга, представляешь?

Адам выучился на врача, ушел из Легиона и женился на Марии. Потом у них родился сын. Адам хотел, чтобы мальчик тоже занимался медициной, но жена возразила – пусть выбирает сам. Тот решил стать финансистом, и именно это решение помогло семье приумножить свое благосостояние и сохранить все сбережения Рольфа. Сын предложил перевести средства из золота в ценные бумаги, Адам сначала сомневался, но потом уступил. А примерно через полгода золото сильно подешевело. С тех пор Адам все финансовые вопросы оставил на усмотрение сына и ни разу не пожалел об этом. Только не уставал напоминать, что нужно найти легионера по имени Рольф. А когда появился внук, стал напо-

минать уже ему. Сам Адам не думал, что когда-нибудь еще увидит своего друга. И тем приятнее было узнать, что встреча все же состоится. И он сможет не только общаться с Рольфом, но и отдать долг.

История Матилуса

Здоровье бывшего легионера восстановилось быстро. Последние дни врач заходил к нему, скорее, чтобы тот не чувствовал себя одиноким, чем из-за беспокойства о его физическом состоянии. Строго говоря, Рольф оставался в госпитале, потому что ему еще некуда было переселиться. Советник занимался поиском подходящего жилья и решением прочих вопросов. В финансовом отношении мужчину вполне можно было считать обеспеченным – благодаря прежним накоплениям нужда ему не грозила. К тому же предстояла работа над книгой для издательства за приличное вознаграждение. Однако новая жизнь немного беспокоила.

– А к вам снова посетитель, – сказал ему вечером врач.

– Личный? – спросил его Рольф, которому очень хотелось еще раз повидаться с Адамом до выписки и переезда.

– Нет, из Легиона. Вы ведь хотели сдать оружие, – пояснил врач.

Рольф действительно хотел вернуть все имущество Легиона, которое у него осталось, и попросил советника помочь в этом вопросе. Он не знал, чего ждет от этой встречи, но после слов врача волнение усилилось. В назначенный день

он опять ждал посетителя вместе с советником и медсестрой – просто на всякий случай. В назначенное время пришли два представителя Легиона. Поздоровались, приняли оборудование и оружие, поблагодарили за сохранность.

– К сожалению, вы не учились в Школе сержантов, и мы не можем принять вас на службу в сложившихся обстоятельствах, – сказал один из них. – Тем не менее, вам полагается выходное пособие. Сумма будет перечислена на ваш счет. Надеюсь, вы можете сообщить данные?

– Я передам вам всю необходимую информацию, – вмешался советник.

– Что ж, хорошо, – кивнул представитель Легиона. – И у нас есть еще кое-что.

После этих слов второй представитель достал небольшую шкатулку и открыл. На красном бархате лежал железный крест. Точно такой, насколько помнил Рольф, был у Матилуса.

– За предотвращение многочисленных жертв в отряде, – сказал представитель, вручая награду.

– Извините, могу я попросить кое о чем? – спросил Рольф.

– Мы чем-то можем помочь? – откликнулся представитель.

– Могу я получить сведения об одном легионере? У него тоже был железный крест, только очень давно, лет девяносто назад?

– Он ваш родственник?

– Нет, просто знакомый. Даже не совсем знакомый, – смутился Рольф.

– Вы знаете, как его звали и откуда он?

– Да, Матилус из деревни Аруна, небольшая такая деревня южнее нашего лагеря. Точнее, где был лагерь шестьдесят лет назад. И у него тоже был железный крест.

– Хорошо, – кивнул представитель Легиона. – Имейте в виду, на это понадобится время.

– Спасибо. Только меня скоро выпишут.

– Оставьте соответствующие распоряжения, и нам сообщат ваш новый адрес.

– Спасибо, – еще раз поблагодарил Рольф. После разговора с представителями Легиона его тревога отступила.

Ответ пришел примерно через два месяца. Рольф жил в небольшой квартире в многоэтажном районе Мотау и работал над книгой о своем последнем походе. Благодаря дневнику ему несложно было восстановить события многолетней давности. Тем не менее, он регулярно получал сообщения с вопросами из издательства – то, что было понятно ему, требовало пояснений для других людей. Не смотря на это работа продвигалась достаточно успешно. Вместе с очередными замечаниями он получил письмо от Легиона. На официальном бланке была изложена история человека, которого много лет назад убили в родной деревне.

Матилус был родом из Аруны, рос на обычной ферме, готовился получать гражданскую специальность. Он сдал экза-

мены, однако не прошел по конкурсу, а денег у его семьи не было. Можно было попытаться счастья на будущий год. Но как раз в этот момент в деревню пришли вербовщики. Матилус решил, что военная специальность не хуже гражданской и ушел в Легион. Жители деревни устроили ему торжественные проводы. Он был на хорошем счету в отряде, через семь лет службы его направили в Школу сержантов. После окончания учебы он вернулся в отряд и продолжал участвовать в походах. Через девять лет после получения сержантского звания он записался в добровольцы. Ни сообщения, ни заветания он тогда не оставил. Из того похода вернулись 118 человек из 200. Матилус получил железный крест за предотвращение многочисленных жертв в отряде. После этого он проходил реабилитацию, а когда выписался из госпиталя, написал рапорт об увольнении. Ему выплатили весьма приличные премиальные, часть из них он пожертвовал госпиталю, остальное забрал с собой. Он собирался вернуться на ферму. Дальнейшая его судьба неизвестна.

Рольф сидел и смотрел на равнодушные строчки. Оказывается, когда-то давно гражданскую специальность можно было получить бесплатно – если пройдешь по конкурсу. Если бы такое было в его времена, он мог бы не встретить Адама. И когда-то не брали денег за сдачу экзаменов. Если бы это осталось, он бы не встретил Мартина. И у Мартина был бы шанс не умереть в пустыне. А еще когда-то вербовщики приходили прямо в их деревню, а будущим легионерам

устанавливали проводы. Это тоже осталось в далеком-далеком прошлом.

В Легионе не знали, что потом случилось с Матилусом, но это знал Рольф. Когда мужчина вернулся в родную деревню, его убили местные жители. Причина убийства так и осталась неизвестной, но теперь Рольф знал, что тому было бы приятно услышать.

Спустя две недели к окраине Аруны подъехала пятиместная машина и остановилась недалеко от кладбища. Из нее вышли пятеро. Один был полностью седой мужчина в добротной одежде и ботинках, еще двое выглядели гораздо моложе, они были в форме и с оружием в руках. Четвертый был совсем молодым парнем, он поддерживал под руку пожилого мужчину. Седой и один из вооруженных пошли в сторону кладбища. За ограду прошел только седой.

Рольф хотел навестить могилу Матилуса, но одного его не пустили, велели взять охранников. Помня, что случилось с другим легионером, он не возражал. Адам и его внук поехали вместе с ним. Однако к могиле, которая была немного в стороне от остальных, Рольф подошел один. Он не спеша убрал мусор, а потом немного постоял, глядя на старый потрескавшийся камень.

– Ты не зря прожил свою жизнь, – прошептал он, обращаясь к давно умершему Матилусу. – Ты помешал отряду перебить друг друга. Я видел, сколько людей возвращалось, когда им никто не мешал, и знаю, сколько пришло с тобой.

И смерть твоя тоже не была напрасной. Я знаю, ты не хотел умирать, но ты не мог убивать своих – для тебя они были своими, хоть ты для них своим не был уже. А еще твоя смерть помогла выжить мне. И я тоже пытался помешать своим в отряде перебить друг друга, хоть из того похода и вернулся только я. Покойся с миром, Матилус, ты был хорошим человеком.

Рольф еще немного постоял в молчании, а потом пошел к машине. Без спешки все пятеро разместились внутри и уехали. Все долги были уплачены, можно было жить дальше.